

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЛИННИК

СТОЛИЧНЫЙ
ДОКТОР
ВОЙНА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В99

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 97

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Вязовский, Алексей; Линник, Сергей

В99 Столичный доктор. Война: роман / Алексей Вязовский, Сергей Линник. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-182136-4

Хочешь рассмешить Бога — расскажи о своих планах. Вот и доктор Баталов — собирался в уютную Швейцарию, а попал на фронт. Русско-японская война, Маньчжурия, кровь, холод, люди, теряющие рассудок под артиллерийским огнем. Но самый страшный удар ждал его не от пули и не от холеры — на кону не только жизнь супруги, но и собственная душа.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Алексей Вязовский, 2026

© Сергей Линник, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-182136-4

Глава 1

Тишина в небольшой, отделанной темным дубом комнате офицерского собрания звенела так, что казалось, что ее можно потрогать. За массивной дверью еще слышался гул голосов, звон бокалов и обрывки споров — там, в большом зале, продолжался вечер, уже подернутый легким скандалом моего демарша с мобилизационным предписанием. Но здесь, наедине с графом Воронцовым-Дашковым, воздух был другим — плотным от невысказанных мыслей и тяжести еще не принятых решений.

Илларион Иванович, доверенное лицо вдовствующей императрицы и глава исполнительной комиссии Красного Креста на Дальнем Востоке, смотрел на меня внимательно, без тени осуждения, но с явным ожиданием. Предложение возглавить новый госпиталь под Мукденом... О да, это был элегантный ход конем на раскаленной харбинской шахматной доске. Несомненно, ловушка. Почетная ссылка, способ убрать меня с глаз долой из эпицентра интриг, связать руки благородным делом под эгидой самой Марии Федоровны. И одновременно не

пустить в Питер. А ну как Баталов там найдет себе нового «Сергея Александровича», и царя качнет в другую сторону...

Но одновременно — это был и шанс для меня. Шанс не доводить до прямого столкновения с Алексеевым и его камарильей, получить хоть какую-то автономию под флагом Красного Креста и, что немаловажно, инструмент для торга. Ну и разумеется, спасти Жигана.

Я сделал мысленный вдох. Выбор, по сути, был невелик. Отказаться — значило бросить открытый вызов не только Алексееву, но и Куропаткину с Воронцовым-Дашковым, подписав себе приговор. Согласиться — означало добровольно шагнуть в золоченую клетку, в которую будут стрелять из пушек. Глупо думать, что японские снаряды опознают красный крест и свернут куда-нибудь на другую траекторию. А я отвечал не только за себя, но за супругу, своих людей...

Да, клетка. Но такая, где еще можно было дышать и действовать. К тому же работа врача — это то, что я делать умел и любил. Спасать жизни, штопать разорванную плоть, бороться с невидимыми убийцами вроде разных инфекций — в этом была своя мрачная поэзия войны.

— Ваше сиятельство, — произнес я ровно, глядя графу прямо в глаза, — я ценю доверие Главного управления Красного Креста и лично ваше. Организация помощи раненым — святой долг каждого русского человека, особенно в такое время. Я принимаю ваше предложение.

На лице графа ничего не дрогнуло. Но в глазах мелькнуло то, ради чего все и затевалось: он добился своего. Граф слегка кивнул:

— Весьма рад это слышать, князь. Уверен, ваш опыт и энергия будут неоценимы. Генерал Куропаткин также будет доволен вашим решением. Это снимает... некоторую напряженность момента.

«Еще бы», — подумал я про себя. Куропаткину сейчас скандалы в собственном тылу были нужны как прошлогодний снег. Он и так на «ножах» с Алексеевым. Воронцов-Дашков кивнул, будто прочитав мои мысли.

— Вы получите самые широкие полномочия от Красного Креста, князь. И, разумеется, всяческое содействие со стороны штаба армии в рамках возможного. Госпиталь под Мукденом — дело перво-степенной важности. Санитарных потерь с каждым днем все больше... Надо что-то делать.

— Благодарю, граф, — прервал я его мягко, но настойчиво. Момент для торга настал. — Однако для успешного и, главное, быстрого развертывания госпиталя в условиях здешнего хаоса и, не будем скрывать, специфических методов снабжения, мне потребуется человек с особыми талантами. Человек, способный достать невозможное, договориться с кем угодно и решить любую хозяйственную проблему на месте.

Воронцов-Дашков чуть приподнял бровь, ожидая продолжения.

— Речь идет о моем помощнике Тите Данилове, которого сегодня утром арестовали по весьма сомнительному, на мой взгляд, обвинению. Его зна-

ние местных реалий, его связи и, скажем так, неортодоксальные методы работы сделали бы его идеальным управляющим хозяйственной частью госпиталя. Без него на организацию уйдут месяцы драгоценного времени, которое измеряется жизнями солдат.

Граф помолчал секунду, постукивая пальцами по столу. Он был опытным царедворцем и прекрасно понял подоплеку моей просьбы. Речь шла не только об эффективности госпиталя, но и о моем условии. Он усмехнулся одними глазами.

— Практичность прежде всего, князь? Что ж, в этом есть своя логика. Война — дело грязное, и чистыми руками тут не всегда справишься. Полагаю, недоразумение с господином Даниловым можно уладить. Считайте вопрос решенным. Он будет в вашем распоряжении.

— Весьма признателен, ваше сиятельство, — кивнул я, чувствуя, как первый узел харбинской удавки ослаб. И еще у меня был козырь. Который поможет развязать узел до конца. Учитель Ли. Новый фаворит при царской семье.

— А теперь, если позволите, я сообщу генералу Куропаткину о вашей согласии. И думаю, нам всем стоит вернуться в общий зал, дабы продемонстрировать полное единение перед лицом врага... и некоторых внутренних обстоятельств, — добавил он с легкой иронией. — И отпраздновать победу русского оружия, как и обещали.

Я улыбнулся. Представляю себе лицо Алексева. Только ради этого стоило согласиться возглавить госпиталь.

***

Вроде и недолго отсутствовали, но за это время градус праздника успел подняться весьма и весьма. Алексеев не дождался, уехал. Наверное, запрется в туалете и будет плакать. И вообще, что он здесь делает? Место наместника — на острие атаки, в Порт-Артуре, а не здесь устраивать интриги на ровном месте.

Воронцов-Дашков, как и обещал, к общему ликованиему присоединился. Сказал несколько вдохновляющих слов, выпил до дна, пожал руки офицерам и вежливо удалился — «дабы не мешать присутствием». На прощание пригласил меня утром зайти обсудить детали. И, как выяснилось, мы соседи по гостинице — только этажи разные. Мир, как всегда, тесен.

Я тоже хотел уйти, но меня крепко прихватили акулы пера. В первую очередь Гиляровский. Очень уж ему хотелось узнать, чем кончилось противостояние, а если нет, то что будет дальше. В отместку я рассказал журналистам об организации медицинской помощи в современных армейских условиях. Профессионалы, никто не сбежал, даже не зевнул ни один. Знай себе, строчат в блокноты. И слушают!

— Я правильно понял, мы увидим вас в каком-то месте этой цепочки? — спросил Гиляровский.

— Да, я согласился возглавить госпиталь Красного Креста под патронажем императрицы Марии Федоровны. Если проводить аналогии с описанной структурой, то это обычный эвакуогоспиталь,

максимально приближенный к местам сражений. Думаю, если вы напишете об этом, то мы получим добровольцев, желающих помочь раненым и получить при этом бесценный опыт.

Не добавишь ведь, что опыт там нарабатывается по методике «выжил — молодец», а ошибок никто не успевает фиксировать. Такие вещи вытаскивают наружу лет через двадцать, в уютных мемуарах, под соусом «мы были молоды и безумны». Но это не значит, что добровольцы не нужны. Нужны. Все: врачи, фельдшеры, повара, конюхи, санитарки. Хочешь помочь — найду, куда поставить.

Чтобы не тянуть одеяло на себя, рассказал о беспримерном подвиге великой княгини Елизаветы Федотовны, которая после личной трагедии решила посвятить себя служению людям, и на свои средства организовала санитарный поезд.

Пожал руки, закончил и, наконец, поехал в гостиницу. Там меня ждали — жена, мысли о завтрашнем дне и, надеюсь, Жиган, которого должны были освободить с минуты на минуту.

А я все еще сижу тут, с бокалом подозрительно вина, читая по губам пьяных офицеров и отвечая на вопросы журналистов, как будто ничего не случилось.

***

Жигана доставили в гостиницу ближе к полуночи. Не «перевязанного праздничной ленточкой», как я мысленно предвкушал, но вполне целого, хотя и изрядно помятого, злого и пахнущего полицей-

ским участком. Его сопровождал унылый околоточный надзиратель, который, передав «арестанта» Тройеру, пробормотал что-то невнятное про «высшее распоряжение» и поспешил ретироваться.

Тит Кузьмич прошел в кабинет, огляделся цепким взглядом, будто проверяя, все ли на месте, потом застыл рядом с креслом.

— Садись, варнак, не маячь, — сказал я, дописывая текст телеграммы в Питер. Я очень сомневался, что медицинское управление маньчжурской армии хоть пальцем пошевелит ради нового госпиталя. А значит, пора было задействовать Склифосовского. Пусть потрудится для меня в столице. Минимум мне нужна была двухмесячная партия панацеума, готовый кабинет икс-лучей, всякое разное для операционных...

— Вытащили все-таки, ваше сиятельство... — прохрипел Жиган, усаживаясь и проводя рукой по взлохмаченной бороде. — А я уж думал, придется в харбинской кутузке кантоваться, пока этап на Нерчинск формируют. Век буду Бога за вас молить.

— Повремени пока с молитвами. Мне нужен начальник хозяйственной части для нового госпиталя Красного Креста под Мукденом. Пора твою новожденную предприимчивость направить в нужное русло.

Я подвинул к Жигану фляжку с коньяком, вторую рюмку. Хитрованец недоверчиво покосился на меня, но взял. Выпил залпом, крикнул.

— На войну, стало быть, едем? И когда?

— Как только удастся получить транспорт и оформить бумаги, — ответил я. — И что-то мне подсказывает, это будет непросто.

В этот момент дверь открылась. Без стука. Агнесс. Бледная, напряженная, но спокойная.

— Я помешала?

— Нет, мы уже закончили, — я кивнул Жигану. — Иди, помойся после тюрьмы и начинай собирать вещи.

Хитрованец ушел, а я продолжил писать телеграммы. Одним Склифосовским решил не ограничиться — пусть для меня поработают и Бобров с Романовским и даже столичные скоропомощники.

Агнесс стояла за плечом, читала, что я пишу.

— Может, сообщить в базельскую больницу?

Я задумался. У меня не было предубеждений нарушить швейцарский «нейтралитет» коллег. Для начала там можно было бы «разграбить» больничную аптеку.

— Оставим на крайний случай. Пусть сначала наша медицина потрудится, — я повернулся к жене. — Не боишься ехать со мной на войну?

— С тобой? Хоть в штыковую на японские траншеи!

Вот правильный ответ правильной фразой!

***

Мои предчувствия оправдались с лихвой. Следующие несколько дней превратились в сплошную борьбу с невидимой, но весьма эффективной бюрократической машиной. Казалось, весь аппарат

управления маньчжурской армии и тыловых служб Маньчжурской железной дороги задался целью не выпустить меня из города.

Заявка на отдельный вагон для меня, Агнесс, Жигана и нескольких слуг «потерялась» где-то между управлениями. Выделенные Воронцовым-Дашковым через Красный Крест первоначальные средства застряли в местном отделении Госбанка под предлогом «проверки полномочий». Проездные документы для Агнесс, как для «частного лица, следующего в зону военных действий», требовали теперь личной визы коменданта гарнизона, который внезапно оказался «в инспекционной поездке на линии». Даже попытка нанять частным порядком несколько больших фур для перевозки первоначального багажа и оборудования наткнулась на глухую стену — все извозчики вдруг оказались «заняты на военных перевозках».

Авареску, с которым я вынужден был столкнуться в управлении полиции по поводу документов Агнесс, разводил руками с фальшивым сочувствием:

— Война, князь, война... Приоритеты... Потерпите немного, все уладится.

Я скрипел зубами, но понимал, что прямой конфликт сейчас бесполезен. А снова подкупать кого-нибудь — денег не напасешься. Пришлось действовать иначе. Резкая, но предельно корректная телеграмма Воронцову-Дашкову в Порт-Артур с описанием «непредвиденных логистических трудностей, ставящих под угрозу своевременное

открытие стратегически важного госпиталя». Звонок по единственному работающему телефону напрямую в штаб Куропаткина с просьбой «оказать содействие представителю Красного Креста». Ответ был вежлив, но расплывчат. У всех свои заботы.

Тут вступил в игру Жиган. На свободе он действовал как ураган. За два дня — через кого-то из старых знакомых, с коктейлем из лести, угроз и обещаний — он нашел и зафрахтовал теплушку в составе военного эшелона с инженерным оборудованием. Под каким предлогом и с чьего одобрения — знать я не хотел. Главное, результат.

Агнесс, видя мои мытарства, сначала переживала, но потом собралась и решительно взяла на себя все сборы, упаковку вещей и организацию нашего маленького «табора».

— Ничего, Женя, — сказала она мне вечером, когда я вернулся после очередного бесплодного визита к какому-то тыловому полковнику. — Не в первый раз. Главное, мы вместе. Я поеду с тобой, куда бы ты ни отправился.

Я обнял ее. Ее решимость придавала сил. Но и тревога не отпускала.

Заглянул Тройер, как всегда невозмутимый и загадочный. Он уже был в курсе всех событий.

— Ваше сиятельство, — тихо, почти на ухо произнес он в кабинете. — Трюк с фальшивой «Желтороссией» для француза, похоже, сработал. По городу уже ползут слухи о «секретных планах Петербурга», Буше носится как угорелый, что-то вынюхивает. Алексеев вне себя, говорят.

— Рад это слышать, — буркнул я. — Хоть какая-то польза. Вы как, с нами? Или...

Тройер покачал головой.

— Пока останусь здесь. Нужно проследить за развитием событий после вашего отъезда. Догоню в Мукдене.

***

Наконец, поздним вечером десятого марта все было готово. Старая теплушка, наскоро приспособленная для жилья, была прицеплена к длинному составу с платформами, груженными каким-то военным скарбом и рельсами. Жиган лично проследил за погрузкой нашего багажа и минимального запаса медикаментов, который я настоял взять с собой. Агнесс, укутанная в свою соболью шубку, сидела внутри у маленького окошка, глядя на суету заснеженной станции Харбин-Пристань.

Я уже собирался подняться в вагон, когда Жиган тронул меня за рукав. Лицо у него было серьезным, даже мрачным.

— Ваше сиятельство... Тут такое дело... Мои люди шепнули... Этот самый Прохоров, конкурент мой... и тот полковник интендантский, Римский... они не просто подряды в Мукдене держат. Они там целую сеть по хищению казенного имущества наладили. Медикаменты, продовольствие, обмундирование — все идет налево, на продажу китайцам или даже... — он понизил голос, — говорят, и японцам через посредников уходит. И они знают, что вы меня вытащили. Знают, что вы едете в Мукден

госпиталь открывать. И им это очень не нравится. Очень.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Они будут ждать вас там, князь. Не сомневайтесь. И встретят не с хлебом-солью. Там фронт рядом, и человеческая жизнь стоит совсем дешево.

— Будем начеку, — пожал плечами я.

Паровоз в голове состава дал протяжный, то-склиный гудок. Вагоны дернулись, заскрежетали буфера. Наш эшелон медленно тронулся на юг, унося нас из Харбина — навстречу Мукдену, навстречу войне, навстречу новым врагам, которые уже ждали нас там.

Глава 2

ВОЙНА. Горцы — партизаны

Проникшее въ газеты извѣстіе о сформированіи отряда горцевъ для партизанской войны на театрѣ военныхъ дѣйствій, получило осуществленіе: на дняхъ, по словамъ газетъ, изъ Петербурга выѣхали полковникъ л.-г. коннаго полка князь Ханъ-Нахичаванскій и полковникъ л.-гв. гусарскаго Ея Величества полка Плаутинъ непосредственно на Кавказъ, для сформированія бригады изъ горцевъ Кавказа. Часть расходовъ они берутъ на себя.

ЛОНДОНЪ. Газеты полны вымышленныхъ враждебныхъ Россіи извѣстій. «Daily Express» передаетъ на основаніи телеграммы изъ Чифу совершенно невѣроятное извѣстіе, что русскіе покинули Портъ-Артуръ уже 27-го февраля. Газета добавляетъ, что подобное сообщеніе уже получено изъ Токио и Шанхая.

Наш «экспресс», как его тут же окрестил неунывающий Жиган, тащился на юг со скоростью лени-